

НИКИТА БОСОЙ

**100 стихов на
каждый день**

Никита Босой

100 стихов на каждый день

«Издательские решения»

Босой Н.

100 стихов на каждый день / Н. Босой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858523-4

«100 стихов» — это живое, глубокое и абсолютно искреннее высказывание на все темы, что тревожат человека в XXI веке: одиночество, будущее, любовь, вера, психические расстройства — и главная из них есть сама личность поэта, которую тот препарирует с максимальной подробностью, одновременно увлекая и отторгая читателя. «100 стихов на каждый день» станет вашей настольной книгой, вашим кривым зеркалом, зря в которое, вы непременно увидите самого себя.

ISBN 978-5-44-858523-4

© Босой Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1. Про себя	7
2. Про судьбу	8
3. Про вас	9
4. Про войну	10
5. Про ответы	11
6. Про отрицание любви	12
7. Про бесчувственность	13
8. Про жизнь после жизни	14
9. Про высокомерие	15
10. Про ночь	17
11. Про мою любовь	18
12. Про катарсис	19
13. Про потребности	20
14. Про сумасшествие	22
15. Про страх	23
16. Про будущее	24
17. Про космос	25
18. Про свободу	26
19. Про север	27
20. Про работу	28
21. Про счастье	30
22. Про злобу дня	31
23. Про блюз	32
24. Про последние знания	33
25. Про туман	34
26. Про мою комнату	35
27. Про расставание	36
28. Про истощение	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

100 стихов на каждый день

Никита Босой

© Никита Босой, 2017

ISBN 978-5-4485-8523-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мне давно хотелось почитать хорошую современную поэзию. Я искал, рыскал по книжным полкам Буквоедов, слушал альтернативный хип-хоп (который еще, вроде как и поэзия, часть, по крайней мере), листал паблики ВК, но ничего такого, что мне понравилось бы, не нашел. Все как-то опять про любовь во всех ее проявлениях (90% всех стихов), и про вид из окна (1%), какой-то совершенно стыдный маразм (8%), и что-то не из вышеперечисленного (1%). Может, это все, на самом деле, очень хорошая поэзия. Но не моя.

И тогда мне пришла в голову гениальная по простоте идея: если я не могу найти свою поэзию – значит нужно создать ее. Так появились «100 стихов». Эти стихи мне априори бы понравились, поскольку я не могу относиться со скепсисом к продуктам своего творчества. Так и произошло, однако, получилось даже лучше – я буквально влюбился в эти стихи, часами перечитывал, теряясь в красоте (а красота – она в глазах смотрящего) написанного. С вами такого эффекта может не случиться, и вот почему:

1. Не поддавайтесь обману названия, эти стихи – на каждый **мой** день, а не на каждый ваш, или чей бы то ни было еще. Они целиком эгоистичны, полностью про мою жизнь, про то, что творится внутри меня и т. д. Если вы их прочтете, то резонанс с моим мироощущением, изложенным здесь, далеко не гарантирован, однако, все люди очень похожи, поэтому, что-то в вас, надеюсь, да и откликнется. Но лишь что-то, поскольку бреда (прямо-таки клинического) здесь многовато.

2. Здесь мало абстракции, наблюдений, чувственности, не столько, сколько принято в подобной лирике. Я привык искать во всем смысл, отслеживать логику вещей, поэтому здесь не так много «воды», метафор ради метафор, красивых слов и рифм ради рифм и красивых слов. Но много **мыслей**, хотя я и не претендую ни на что философское, просто такой стиль в поэзии может показаться грубоватым и отталкивающим.

3. Если ты пишешь стихи в 2017 году, то, скорее всего, ты рэпер. Преобладание в культуре такого жанра, как **рэп**, кардинально поменяло наше восприятие лирики. Оно серьезно повысило требования к технике поэта (выдерживание ритмики, максимально заумный подход к рифмовке, наличию в тексте ассонансов, омофонов и прочего), и серьезно снизило желание именно читать стихи, а не слушать их. Книжная поэзия теперь кажется невыразимо скучной (довольно многим), и пересаживаться с одного на другое может быть сложно для восприятия читателя. А отвлечь его совсем может тот факт, что технике, как раз, внимания я уделяю по минимуму (квадратов и рифм на глаголы здесь пруд пруди).

4. **Темы**, на которые я пишу стихи, во многом повторяются, и многих, скорее отвратят: смерть, раздвоение личности, любовь (простите), я сам, одиночество, творчество, религия.

Если ничего из вышеуказанного вас не пугает, то, вперед, конечно. Однако, не будьте слишком строги и постарайтесь понять меня – этот сборник дался мне тяжело, поскольку я очень замкнутый человек, и это, фактически, единственный мой способ общаться с вами, людьми.

Для меня эта книга подобна ребенку, которого так не хочется отпускать в мир злых и страшных людей, но, похоже, придется. Отныне он на вашем попечении, постарайтесь его полюбить, а больше мне и не надо.

1.Про себя

и под мостом, и подо льдом, и что страшней – под вашим гнетом
я буду веселиться, вскрывая вены своему герою
я буду плакать, рожая истину с криком и потом
в предсмертных хрипах стены дворов своим никнеймом укрою
я взошел утренней звездой, ассенизирую ваши души
и избавлю вас от сильных мира сего – в моем есть и получше
спаситель воскрес в том мире, где Бог давно уже умер
вам нужен новый? ко мне идите, ведь я не экстрассенс и не шулер
в моем мире, где вместе цветут лаванды и венерины
и в этом мире, где одна каста – тех, кто живет, как ему по силам
где красота не за таксу, где такси не за баксы, где клакси носят слаксы, где абсурд – это
сладкая сказка

я принесу вам третий завет, новейший завет, запрет на запрет, ответ на ответ
и я дам вам лекарство от всех, мать его, недугов и бед
я впущу вас в свой дом, вас: торчков, дураков, фанфаронов и просто потерянных
выносите всю хату, забирайте все образы, образа, ведь я еретик
заходите в мой мир, хоть изгадьте его, хоть порвите его, но всю боль пережил
заходите в мой дом, забирайте себе, главное – верьте мне
все мои побрякушки, рифмы, стили, игрушки – на себя вы повесьте
главное – чтобы не зря, пусть это все для себя
но чтобы это стало и вашим
чтобы мысли мои, с ними чувства мои
не ударили плашмя
чтоб пронзили в груди, до крови, до сини
заживили внутри ваши раны
чтобы строчки мои вас покрывали как плед
леопардовый
у которого кровавые пятна

2. Про судьбу

между желтых лент и хлопнушек ударов
пролетаю я сбоку, теряясь в муарах
и узорах, живущих в фасетках
в точках мир, как под лупой фотки в газетках
а в полете бездумном, совсем инстинктивном
отправляюсь за пищей со всем коллективом
хоть в который уж раз хоботок наготовь
не хочу снова жрать экскременты иль кровь
лапки тру друг о друга в недоумении
«отчего мы питаемся гнилью и выделениями?
неужели на что-то свое не годны
от подачек других мы зависеть должны?»
и отринул судьбу и природу свою
из канавы взлетев бенгальской вверх искрою
я покинул жужжанье, новой пищи ища
дабы больше уж не преклоняться к мощам
но скоро голод я узнал, и в страха поте
не в состоянии вкусить чего-то кроме дерьма и плоти
я ртом пронзил волосяной покров
и начал есть до основания собственный остов
и лежа в луже грязной, липкой лимфы
и видя, как надо мной кружит полк ангелов при нимбах
осознаю, что выбрал ложную дорогу
сбежать из тела и отмычки не помогут
кто знает, а вдруг можно обыграть судьбу
жаль, что одна попытка, и я свою похоронил в гробу

3. Про вас

осколки неба падают на меня дождинками
как выпал я когда-то из брюха матери икринкою
да, я родился рыбой, навсегда немой, губами воду глохчущий
от негодования на судьбу плавниками словно в зуде хлопчущий
я вместо слов обречен пускать лишь пузыри
разочарование в себе скоптило меня изнутри
и я родился не в одиноком синем море воли
а в трехлитровой банке из человеческого рассола
да, вы, люди, вы все колючие как огурцы
и жжете все и шьете вы рубахи из крапивы
но из-за вас я кровотоку – вы мои рубцы
выпрыгиваю из банки, чтоб посмотреть, как вы там живы
бросаюсь я наружу, хоть знаю, что дышать мне в вашем мире нечем
зачем я это делаю? хоть и без разницы – процесс сей будет вечен
вы не безразличны мне, той одинокой тухлой рыбе
и диссонанс души и тела выдоит из меня все творчество, будто я вымя
пусть, обглодайте ее кости, оставьте только имя

4. Про войну

пускай планету укроет саваном пепел
и заржавеет даже воздух
я возьму черепок из Апофеоза
и заполню до краев вином венозным
в тот час когда, сорвавшись, президенты
закинут бомбы, нас распотрошив на элементы
когда слепая ярость захватит разум владельцев чемоданов и кодов
мальчишек в пиджаках, чей старческий маразм
и эго уничтожит все что было от и до
я буду плакать духом бестелесным
но не над вами, рядовыми, большинством
на панихиде по истории меня охватит бешенство
за тех, кто ее ковал, и кто в нее вошел
и я б хотел сказать
что не умру, ворвавшись в пантеоны
гаражных стен, фм-частот диапазоны
переживу все ваши войны, боеголовки и разгромы
и окроплю своею мир я кровью
но вышибает клином клин
размочит кровь другая кровь
и бомбы сбросят свой хитин
сведя на нет весь мой упор
все потеряем в одночасье
таланты предков в лучах ядерной зимы
от нас самих останутся запчасти
и в пирамидку сложатся – Апофеоз войны

5. Про ответы

ищу ответы на вопросы, где если не в голове
и что-то редкое вдаль улетаёт, подобно дрофе
но в книгах бы мне хоть один вопрос найти о себе
чтобы знать, что искать, ну а пока мой ответ:
корни мандрагоры, будто жало мантикоры
страшно будто танец пламени во имя терпсихоры
монитор разносит споры, не фотоны и не волны
и рассудок заражен, а ужас-жук жрет помидоры
я потерял в тенях денег, день и день, и я растерян
нет лекарств от детства травм, литавров драм разрушит храм
нет, монастырь, меня взрастил, но я застыл среди светил
в отрока возрасте, когда все порознь, остановилась порознь
и меня захлестнули кошмары, вместо ответов сплошь мемуары
отворив фермуары своих гримуаров извлекаю я самость из ума кулуаров
и, похоже, там просто ребенок, навсегда я брошен, как Припять
бесконтрольные заросли очертаний и замыслов все обвили нейронами нитей
воспаленными и ненормальными, пробираюсь сквозь джунгли с мачете
слышу в ухе помехи из видика с старой детской кассетой
и в заброшки сенях в полутьме по стенам бегут кадры со счастьем
рвутся тонкие снасти, распадаюсь на части, и успехом хотел увенчать бы
все исканья, но я только узнал свой вопрос:
почему я не личность и почему дрожу так, словно насмерть замерз?
а я как будто бы на плахе, я так без мамы долго плакал
что я однажды разорвался, один ушел, другой остался
и каждый странно адаптирован, куски себя регенерировал
но больше демонов в разы и страхи заняли пазы
пуская в тремор, в дремах клеммой весь дух зажали эмфиземой
но обречен продолжить розыск, чтобы задать себе вопросы
чтобы изгнать мне бесов вовсе, чтобы стать целым, будто овцы
ответы путают мне мозги, будто галстук на матроске японских дам
а я сжимаю крепче бошку, ведь где ж мои овечки бродят, как не там

6. Про отрицание любви

уничтожить всю любовь, дав последнюю попытку
победить разуму плоть, и признать свою ошибку
хватит восхвалять любовь, как и хватит ненавидеть
и о чем-то ином спеть, окромя инстинктов к индивидам
мы давно не кроманьонцы, в век, когда пора объединиться
стоит думать как назвать республику людей в встрече с звездной коалицией
продолжаем верить в что-то, отпуская вовне мысли
не в себя – в любовь, в семью, в границ силы, в плащаницу
когда мир стал так насыщен, что все теряются в двух проводах
проходить все то, что проживали еще век назад есть извращенный эскапизм и пол-
ный крах
коли нужна вторая половинка, то, может, это я неполноценный?
и через двадцать лет «романтик» прозвучит издевкой, и отнюдь не комплиментом
что может восхищать сильнее превознесения над природой человека
отчаянных бросков перчатки, вызовов судьбе, из атомов в ряды молекул
все, что до гроба – побег длиною в жизнь, иначе – вызовов цепочка
и если нужно уничтожить всю любовь, то я бросаю этот челлендж в строчках

7. Про бесчувственность

я чувствую бесчувственность
храню за мимикой искусственность
кажется, боль все выбила пробки?
но вижу лишь пепел на месте электрокоробки
кто-нибудь, подскажите, внутри что глазниц?
ловлю сквозь решетки клочки света темниц
не кричи на меня и не проси сказать снова любовь
ведь я потерял нервы и всю семантику слов
я хожу взад-вперед как тупой по квартире
и читаю по губам, как в мой адрес льется сатира
а я не знаю, что сказать, разучился с людьми говорить
имитируя эпилепсию как угашенный падаю ниц
уходите, отстаньте, запирайте меня на балконе
будто в новом мифе о Пигмалионе
в стихах по кускам собрал свою Галатею
но все ей я отдал, а сам ничего уже не имею
нету боли, нет страха, нету уз, нету сил
все ушло, что за двадцать лет в себе проносил
нету счастья, восторга, нет желаний, нет смысла
не могу лечить больше души, ведь мои скальпели ржавы, окисли
может я с детства был Эджернон
а сейчас угасает нутро, и постепенно исчезнет как сон
как в мягкой комнате с мягкими стенами для души
ничего не сделать, и зачем-то нужно мне жить

8. Про жизнь после жизни

скажите, доктор, что со мной
я весь пылаю и горю
от мыслей в голове чумной
я вижу сны лишь наяву
скажите, доктор, отчего
я не могу жить как и все
совокупляться, жрать, жидеть
а мысли водят хоровод
и не дают на сек присесть
скажите, доктор, навсегда ль
застрял я в теле с идиотом
что мне кидает идиомы
как палки псу, в мой разум воспаленный
и заставляет их крутить по кругу
и сам собою я растленный
кричу я воздуху, как другу
«мне можно выплеснуть в тебя
все мои думы, что года
таились в черепке так долго мысли
что воню сумасбродною прокисли?»
но воздух свищет лишь в ответ
«судьба тебя избрала мегафоном
и затянула на тебе корсет
из помышлений, чтобы те протяжным стоном
внутри сияли, как хвосты комет
мечты, идеи, лейтмотивы, изречения
давили из тебя, как врач из пальца, кровь
и чтоб, заснув ты вечным сном однажды
знал, что оставил в мире сотни нужных слов
что пусть пролил ты много пота, слез и гноя
но не упокоишься в земле одним лишь перегноем
и то, что мучило тебя и спать мешало так при жизни
сидит в главах под именем твоим и после жизни

9. Про высокомерие

почему свысока на людей я гляжу
хоть местами, порой хуже шлюх и блужу
почему всем пытаюсь казаться особенным
хоть снаружи и выгляжу ряженым гоблином
и зачем иногда я скрываюсь от всех
из толпы выпадаю, будто гнилый лемех
и гнушаюсь людей словно лепры, проказы
но от брани толпы толстокожий и тверже алмазов
я не хуже тебя, и не лучше тебя
все что делал я в жизни – все может и зря
я бегу от судьбы, точно так же, как все
и плетусь по земле подобно гюрзе
но несмотря на все это
сверх меры высокомерен
и пускай я в табуне лишь мерин
но на все будет громким ответом:
я говорю со звездами
и добавляю краски в Млечный путь
и я кручусь с эфирами, зюйдостами
и я ловлю жизнь прям за суть
я распознаю шелест истин
и как вулканами Земли вздымалась грудь
в своих исканьях красоты я бескорыстен
ведь я ловлю жизнь прям за суть
и жизнь моя – непрекращающийся стресс
владеют мной попеременно страх и напряжение
порой в углу трясусь, будто взболтав дюшес
надеюсь, что сквозь пробку я покину это измеренье
где я ищу красоты но сам я страшен внешне
а люди все страшнее изнутри
мне все противно в вашем царстве самоублаженья
где пребываю я в грязи, как плугари
и свысока на вас смотреть не перестану
пускай не буду стоить даже грош
и не купить мне на него всех вас, путаны
и я уйду из мира денег в мир красоты титанов
тропу туда по этим строчкам ты найдешь:
я медитирую во снах природы
и я мечтаю хвост кометы облизнуть
и собираю воедино все разложившиеся углеводороды
и я ловлю жизнь прям за суть
и по дорогам инков, римлян, кхмеров
я к маяку извечности и мира держу путь
и в ненаглядность погружаюсь постепенно
ведь я ловлю жизнь прям за суть
я распознаю шелест истин

и как вулканами Земли вздымалась грудь
в своих исканьях красоты я бескорыстен
ведь я ловлю жизнь прям за суть

10. Про ночь

шепчет тихо листьями
что крадутся рысями
что мелькают в глубине
грустной, точно в такт, луне
стая камышей.
мерно, мерно на подмостках
на угрюмых древних досках
на смотрящих вдаль в пески
чуть в дремоте от тоски
старичок сопит
разрывая скрипом сон
мерно усыпляет он
звонко колыбельную
запоёт бесцельную
крохотный сверчок
снова, снова вместе мы
только если ближе бы
только если б обняла
я тебя за берега
дорогой ручей
жалко, ненадолго лишь
слушаю, как ты журчишь
слушаю приход утра
громки песни петуха
холоден рассвет
тихо шепчешь: «подари»
я скажу тебе: «узри
я жду жизни неземной
чтоб обняться мне с тобой»
поцелуй Луны

11. Про мою любовь

вновь занавешены туманами
укрыты мы листвой как ноги сарафанами
и не замерзнем никогда с тобой под снега одеялами
давай исчезнем мы с радаров и утечем водами тальми
ведь нам никто не нужен, и по себе сами мы
ты – мой морфин от этой жизни, мой антидот, и все лекарства знаешь ты
а я держу тебя за руку и веду темными тропами
ведь только этого ты хочешь – жить со мною шантрапами
хотя любовь наша и не полна страстями
но так нежна, будто окутана шелками
и держимся за друга друг двумя руками
чтоб счастья сосуд невзгоды нам не расплескали
и говорим мы только тихими гласами
чтоб не встревожить измеренья безвременья, где мы оказались
в падении свободном не ощутимы веса нами
ведь грузы старых бед мы как ступени отбросали
но распластались по паденьи мои мысли словно камбалами
и движусь я во тьме, во сне в ритме с сомнамбулами
но форточка с утра проветрит мои грезы, что таились здесь годами
я был всегда один, и лишь мечтаю чередами
закрытый ото всех дымом дурманным
вновь занавешены туманами...

12. Про катарсис

капли мороженого мне падают на брюки
и я застыл в тишине одних лишь сердца стуков
листья и травы остановили движение
это катарсис – мое пробуждение
когда жизнь окунет в грязь мое лицо
а вокруг – хоровод оскалившихся подлецов
я остановлю ход мира на мгновение
чтобы войти в катарсис – мое пробуждение
испытав кипы бесполезной, какой-то, зачем-то боли
и так не достигнув того о чем мечтал и малой толики
посыпая свою голову золой поражений
я не оставлю катарсис – мое пробуждение
природа может рыдать кислотными дождями
а взрывы бомб вождями идти очередями
и пусть атмосфера токсинов и ядов оставит от меня одно наваждение
скелетом в траве войду я в катарсис – мое пробуждение
мир не такой, как о нем мне талдычили в детстве
и тут никогда, ни за что не найдется мне места
я возвращаюсь в детство, в этом мире – лишь мое снохождение
пусть капает на брюки мороженое, ведь наступает катарсис – мое пробуждение

13. Про потребности

я всегда знал: жизнь – это игра
все лепим пирамидки, как детвора
она зубодробительна, отнюдь не добра
но будучи охотником, мне умирать не пора
число 67 – в гробу я выплусь тогда
я принимаю челлендж – на старт, всем пока
я отрываюсь от всех
и бегу только вверх
по ребру пирамид
кто же всех вразумит
тех кто трупом висит
на выступах кирпичей
подавай им харчей
денег, тёлоч быстрей
боюсь, в этом нет смысла
спасать тех, в ком нет мыслей
и как крысы погрызли
и в пороке погрязли
нет, боюсь, это ясли
их потолок – это дрязги
я к хренам их бросаю
выше тело толкаю
к тем, что шкуру спасают
и покой ощущают
«вы чего здесь повисли?
за кого мне вас числить?
отчего так притихли?
вы себя защитили?»
я качаю свой трос
и кидаю вопросы
к вам лечу альбатросом
и пинаю в живот
«что, уж не до зевот?
а жизнь все время так бьет
мой удар единичный в сравненьи ничто
там, снаружи, из вас сделают решето
и прятки в комфорте как цирк шапито
он однажды уйдет, и вот вы под мостом»
не теряя на трусов ни минуты еще
берегу свои силы, здесь нужен точный расчет
и стирая о кирпичи пирамид красноту своих щек
я ползу по грани, продолжая свой взлет
попадаю к застрявшим в узах людей
не распутать клубок из детей и гостей
бесконечных, бесполезных встреч и друзей
ведь копанье в людях гонке сродни

по бокам автотрассы сияют огни
но каждый – лишь вспышка и позади
поздно иль рано все будут они
коль скоро в смерть уходим мы только одни
а во взаимопонимание я не верю
и чтобы меня настоящего вы лицезрели
мне надо нутро наизнаку, повесить как зверя
на стену, чтоб вы багровели
иначе я лицемерю
и всей правды вам не доверю
пока не доберусь до вершины
где себя я аршином
померю, но пока из дружины
стройных пар, компаний, друзей
я вырвусь, ведь главный трофей —
тот я, что в конце одиссеи
потому я цепляю крюк-кошку
на ступень повыше немножко
к сильным мира, чемпионам и лицам с обложки
к тем кто как я, высокомерен
и жить как те, ниже, отнюдь не намерен
но во взглядах напротив навечно потерян
кто попал в тупик за шаг лишь от пика
польстившись признаньем и толп ярых вскриков
но сладко уснули, погребенны мастикой
но в разума сне он уж не беспокоен
уваженье, богатство и власть стройным воем
отправят его на одну из мукомолен
где избавят от трещин мозг, и уж доволен
его обладатель и вечно спокоен
баюканный тем, что в чьих-то глазах
имеет значение, что он сказал
но для мира имеет значенье лишь взмах
что унесет на вершину раз и навсегда
и на верхушке глядишь – там все ерунда
но добравшись, взрываешься, и капли дождя
из крови твоей расплескаются в лужи
у входов в пирамиду и много снаружи
и знаешь, что крови следы путь укажут заблудшим
а ты не проиграл, в мире кровью остался
не смоят дней пена, не надо даже стараться
и в этой игре опять смерть побеждаешь
кричишь: «1:0! не надо мне рая, мы идем дальше!»

14. Про сумасшествие

я пытаюсь удержаться, не развалиться напополам
но как удержаться на одном теле двум разнотканевым лоскутам?
как держать себя в узде
если власть твоя нигде
внутри место лишь вражде
а на торсе – борозде
от бичей и кнутов жестокой рефлексии
наполовину мертв, готов к аутопсии
как перестать себя душить?
как перестать искать крючки на потолках?
как перестать огонь собой тушить?
как перестать тонуть в воды глотках?
как быть счастливым, когда таскаешь на скелете груз
баулов одиночества, исчезновения в себе картуз?
как быть с людьми, как не молчать, просто в глаза смотреть
когда ты сумасшедший и на мир не хочешь
сквозь прутья окон психушки зреть?
как дать понять, что в теле не один
и там, внутри, закомплексованный кретин
мешает жить и веселиться,
про разочарованье в жизни сочиняя басни
и все простые буквы переписывая в кандзи
и все простые вещи превращая в казни
вердикты жизни вынося и счета с ней сводя
ты так быть хочешь в ином мире, но я с тебя глаз не сводя
и красный с синим провода внутри сведя
не дам я умереть тебе, и пусть с ума себя сведя
дам ток диффибрилятору, ведь жизнь во мне, жизнь это – я
хоть мы больны неизлечимо, заперты в клетке, кальций отлитый
две покусанные псины, бассет-хаунд, золотистый ретривер
и грызться внутри дальше продолжите точно
но надеюсь, смешавшись в одном позвоночном
смерть и жизнь подарят миру прекрасную дочку
прорастут цветы того, чего никогда не было на земле вырождения
из простого раздвоения личности и сумасброжения

15. Про страх

в углу сидя только с включенной лампой
я держусь за коленки среди разбросанных ампул
содержимое чье убирает лишь зуд, но не страхи
что хлещут по телу жестче отцовского ремня бляхи
я так боюсь тебя любить
буду лучше просто по правую руку стоять
среди бесчисленных твоих друзей все ныть
и ты по-дружески мне будешь в такт вторять
зачем любить тебе меня мне невдомек
ведь я не лучше из них никого
зачем, в конце концов, любить того
кто и себя-то полюбить не смог
страхи ползут по телу, как пауки
словно в той передаче, не могу я вынуть из банки с ними руки
может, однажды, страхи улетят косяками на юг
но я останусь один, лишившись последней из всех подруг
я больной, хоть это и не заразно
прошу, покинь меня, пока не свалилась в слезах и спазмах
моя котомка с кульком судьбы в ней
оказалась непереносима
но не настолько я бесстыжий человек, уж поверь
чтобы взвалить ее на плечи, что люблю так сильно
я так боюсь, что ты поймешь, что я безумен
и полсебя все время от тебя скрывал, как уши царь Мидас
что спрячусь от тебя навеки я в одной из мумий
чтоб нас избавить от боли большей, чем что есть сейчас
монстры страха впиваются в шею носами
и сосут из меня, все чувства, что есть
сколько так по углам просидел я ночами
по расшкребанному паркету можно лишь счесть
чувства все глубоки и остры, вот так я и живу
и любой твой взгляд меня ранит насквозь
и мне страшно представить как новую шью
рану, нанесенную невзначай так и вскользь
мне тебя страшно любить
но не страшно все уничтожить
и пусть все для меня обернется болью, и я один останусь гнить
лишь бы тебе не было больно жить
лишь бы тебе не было больно

16. Про будущее

в какой раз бродя средь бездушных кораблей и блоков
так задолбался я видеть бесцветные стены и битые стекла
с плеч хочу так трясину страсти совковой всеобщности
что, минуя настоящее, сразу в будущее тропинку протопчем
там не будет дорог
ведь заменит их воздух
и как жанр умрет некролог
медицина прогонит смерть взмахом розог
мы обнимемся с старость пережившими в анабиозе
поприветствуя в мире, где живем с Землей в симбиозе
и черпая энергию солнца и ветра
мы сажаем деревья у каждого дома столь щедро
отражаемся в каждой стене мира пластика и стекла
и не тратим уж время на жизни только эскиз
мы доверим роботам суету и дела
чтобы время смогло на любимых найтись
только нам слез поток не прекратит
в расставаньи с покорителями новых систем
и в рюкзак мы пихаем чтоб раскурить
трубку мира с аборигенами космоса вместо лексем
может, глупость и злость никуда не уйдут
и останется много уродства в наших сердцах
но сиянья звезд далеких в темный угол забьют
все сомненья и мрак, что мешали отцам
и не надо нам верить в сильных мира сего
когда есть пред глазами свежий пример
как построили из башен новый мы Вавилон
и пред светом человека иной свет вмиг померк
мы достигнем наивысшей точки свободы от боженьки
и возьмем, наконец, в свои руки судьбу
и мы больше мест, где родились, не заложники
и рассеем по ветру сны марабу
может, яркими красками и большими мазками
на свое полотно будущность набросал
но спасенье от серости вижу мечтами
свет которых подскажет, как покинуть квартал

17. Про космос

звездные странники, что сияют в ночи
приходите в мой дом на часок погостить
и зовите с собою кометы ловчих
чтоб заставили бури магнитные выть
мы на улицы выйдем с зонтами наперевес
улыбаясь, поприветствуем солнца медовый восход
и закрутим Сатурн по оси меж бегущих колец
под метеоритным дождем простоим лет хоть до трехсот
захватите меня с собой в звездный цирк
может, все попытки мои на Земле утвердиться – ничто
ну так дайте хоть на прощанье поглядеть на проныр
что летят на трапеции по гале разлитой
поглядеть на медведей ручных
может малых, а может больших
на смертельные битвы гончих псов с скорпионами
как факиры играют с звездными домнами
как разлили по черни сладкую небулу
в червоточину голову сунули, будто в пасть левью
унесите меня в страну гулливеров и карликов
и туда, где гармошкой сжимается время с пространством
где еще никогда не родились мои отец с матью
и вселенная сползает на край, будто скатерть
посадите на шаттл до Андромеды
по пути лицезрею, как шатки взрыва творенья
в криосне не увижу я голода, бед и сражений
будет то неумного мозга победой

18. Про свободу

восхожу на трибуну под возглас толпы
чтобы вас бичевать и ваши грехи
вы, божьи рабы, что так жаждете сильной руки
что окропит зубы кровью во время пьяной гульбы
под хлопки, улюлюканья, достаю огнемет
ваш единственный способ очиститься, скот
разметаю по воздуху пламя, как по небу налет
корчась в гари и поте закричите: «еще!»
и без мыслей вы задних на добро не способны
но убить без приказа готовы на раз
и вам, свиньям, кому столь нужен царя или бога приказ
я вобью клинья в кисти, чтоб постигли вы боли экстаз
ведь так любите боль причинять, обожаете просто
и не важно, в чье имя: Аллаха, Путина, вашего босса
вместо поиска сотен причин жить в рабском хлеву
вам не лучше ль подать свои ребра на ритуальном пиру?
да, человек родился среди рабов
покоряясь стихиям и силам древних царьков
но давно уже он горд и свободен
так пора снести домострой, чтоб был дом свободы построен
проповедал я волю и мысль в стихе
я сказал все как мог на своем языке
кто услышал слова – идите, забыв о своем пастухе
ну а если вы в ярости, то подходите
встретит вас проповедник с пулеметом в руке

19. Про север

я опять уйду на север
словно птица по весне
сквозь покрытых мхом деревьев
пробираюсь налегке
но не взял с собою шапки
и дубленки я не взял
осенью отброшу лапки
ведь на норд лишь я шагал
синей стрелки указатель
верный в смерть проложит путь
по весне всплывет писатель
стоит снегу лишь минуть
я бегу от мира правил
мира дел и мира тел
по тайге, собой приправив
лед вокруг, чтоб затвердел
покорив холмы и горы
ягодами укрыв пояс
я в болото слягу хворый
тиной навсегда укроюсь
и отдам я душу тундре
коль в неволе был рожден
гаснет свет Полярной утром
дикий дух не побежден

20. Про работу

мне работать, мне так много надо работать
ведь хочу я стать больше, чем человек
чтоб когда по нам всем бахнет бомба
не остался лишь черным пятном во стенах картотек
а что хуже, на стенах картотек
но в отсеках библиотек
хотя нет, на дворе новый век
так что к черту разумные предположения
о своей жизни после смерти
а пока надо мне надо сгорать, словно чертям
и кнутами себя погонять в пылу слов извержения
а когда отдыхать? покутить, погулять?
разве можно работать без продыху?
но творцу не позволено миг расплыть
пока по башке не стучит коса обухом
каждый час – ненормален
и минуты мы в образа отливаем
застывают, точат их, колупают
от фигуры дробим, то что дробно
Робин Гуду подобны
мы у жизни крадем
отдавая все мысли
тем, кто зреньем не так и остер
порождая все мысли
тем, чей мозг уж до безболья затёрт
воскрешая все мысли
тем, кто давно, навсегда угнётен
и на этой работе нет отпуска
ведь не знаю, когда надо сразиться с реальностью
не услышу я сзади и отзвука
если бдительность усыплю праздными шалостями
обнимая любимую в страстном порыве
я закрою глаза ей своими плечами
но я сам не свожу взгляда с неба пошива
ожидая его шва расхождения и концовки начала
ведь я чувствовал катаклизм с судным днем
под последние всхлипы земли я ищу бумагу и мел
записать себя, не пролезу в Петра ведь проем
хоть в работе своей я остаться сумел
а когда после бойни трупы все разбирали
один ангел сказал немного восторженно:
«этого к нам бы взять не мешало
раз Босой работает с душами тоже»
но подняв сырое тело на плечи
серафим бумажку заметил в камнях
«не отправляй меня ты на вечность

а оставь жариться как тельца, на углях
расскажу потом всем, как был Богом проклят
только дай мне работать, и в мученьях обугленной кожи работать, и когда уже ушел я
в закат»

21. Про счастье

расскажи мне, как быть счастливым
если ты всю жизнь стоишь под огнем
атакуемый силуэтами и их голосами императивными
превращаешься в пыль день за днем
меня мучают мертвые, что устроили
в голове моей то ли капище, а то ли погост
и давно бы я их всех уже упокоил
если бы не опирался на них, как на импост
да, они мне иногда помогают
может, дельные советы даже дают
медвежатники словно, в мысли чужие влезают
атаман я как будто, мне добычу, навар весь несут
веселимся порою на диких попойках
каруселью крутятся запахи, цветы и звуки
но цена за мое восприятие мира жестока
и со счастьем буду навсегда я в разлуке
но найти надежды его не теряю
дня на сходе всегда в остатках ищу
в шелухе из работы, сует и нелепых фраз воссияет
побрякушка едва ли уместная на шабашу
то не счастье, лишь мелкий осколок
и хладнокровный мозг, увы от блаженства броня
счастье ведь как легкий летний холод
ощущается лишь в жарком мареве огня
но пожар развожу лишь вовне
никогда не пущу пламя вглубь
и не буду испытывать то же счастье, что все
буду несчастлив только как я один, пусть и скажут мне все, что я глуп
разрываюсь в попытках не чувствовать боли
и как можно острее боль осознать
и одною рукой я тянусь за лекарством на полке
а другой ладонь свою бью, чтобы счастье отправилось вспять
и вся жизнь – как один большой выбор
и какого же мира принять мне дары?
мира мертвых несчастье дарует духовных сахибов
а живых не дает мне погибнуть от них
но всегда искал я третий вариант
и всегда есть выход еще
умещу в себя два горба, бактриан
и пристанище грузам тяжелым нашел
и размажет по стенкам, может уж скоро
но как можно подольше я буду терпеть
совмещая экстазы со скорбью
чтобы стать чем-то большим, чем есть

22. Про злобу дня

я не поэт на злобу дня
и ничего вам не скажу
что значат ваши имена
все без начинки, лишь набор кожур
и никого упоминать
неймдроппингом глупейшим заниматься
я что-то назову тогда
если вы сами вспомните название лет этак через двадцать
ведь движется так быстро время
что смысла нет цепляться за сейчас
ищите все ответы в книгах перемен и стратагемах
ведь все придумали давно до нас
и наблюдая превращение
из яйца в кокон, бабочку, личинку
то пронесется воспоминание, ощущение
когда ты видел куколку уже сто раз и всю ее начинку
не берите мое интервью
раздувая огонь ничтожного эго
я никто ведь пока, и талант к алтарю
славы не поднесу, сколь бы беден я не был
не держась за то, что есть в настоящем
эфемерным звоном влечен, хоть где он?
я оставлю квартиру, друзей и игрушки по ящикам
ведь не стоит все то, что не ощущение, ничего
а ваше сейчас – увы, лишь консервы
вы продаете мне огрызки, не чувства
но я давно в миссионерстве
и знаю, что скрыто от глаз реальное и истое искусство
покрыто либо пылью и паутиной
либо не видно в тумане войны
а в злобе дня софитов
лишь трафареты неофитов
желаю всем счастливо оставаться
а я сбегая с глаз долой, лишь бы не быть частью ротаций

23. Про блюз

подливаю всем забулдыгам в бутылки
еще по одной моей летней тоски
и за стойкой не вижу я лиц, только затылки
и мы все тут похожи, ведь нас держат одни волоски
все готовы ринуться вниз, но я их удержу
почему-то если поговорить, то становится легче
значит, я буду душу вам изливать без удержу
может, так перестанут болеть наши плечи
плачьте или понуро сидите
пока в блюзе мешаю гитару с печальными вскриками
но не выйдет и звука и сквозь сетку против москитов
наше горе для мира покажется блеклыми бликами
в этом баре все знаю секреты
ведь сплавляю всех боли в гармонию звучанья
вы слабы, а я сильный, в меня как в лазареты
вы снесите все хвори, и мне их оставляя
улыбнитесь тому, кто их дальше несет, на прощание

24. Про последние знания

не дожидаясь, пока солнце вскроет
глаза, как монтировкой, своими мне лучами
с тех пор как Атом землю перекроил
его палящий свет преследует меня будто бизона команчами
как нож сквозь масло проходит он сквозь сажу в небе
и гарь эпох, но я открою раньше
недвижимой и ржавой тачки двери, шагая в степи
те, что садами были, в пустыни я иду на мили дальше
земля трещит под сапогами, как такыры
и раздражает хруст мой воспаленный слух
ведь я боюсь услышать приближение Последней армии конвоиров
иль диких псов, или бандитов, ведь все смертельно, и даже воздух жухл
моя винтовка на взводе, и разрядить готов обойму в ближайшую бошку
я должен выжить до завтра, хоть едва я помню, зачем и живу
может я стал маньяком, ведь все стало игрою и фарсом, понарошку
только вот на хард-моде и без сейвов, как на денди, по существу
парадокс: стало мало людей, но таких, что не важнее вещей
за которые не стыдно и пристрелить, почти не осталось
в гибели разума наша плоть из костей, и крови и хрящей
не имеет цены – пропала коровка – пропадай и веревка, до последнего экземпляра
и поэтому я живу как дикий давно
лицезрею красоту в кусках бесплодной земли и разрушенных зданий
и по сути мне не все равно
только если речь идет о мягкой постели да крупницах не вытлевших знаний
где-то в степях за камнями в мою вход пещеру
на спине я тащу генератора топливо
мир уже уничтожен, но не изменю своей вере
даже в мире вечного жарева не покину сумерек общества
не за что держаться, кроме обломков
значит я возьму любимые и буду держаться за них
в мире мертвых последних поэтов потомок
как символично, что на арчан так похож, впрочем, все что угодно, лишь бы в живых

25. Про туман

утром люди не выйдут наружу
после дней дождя прохладного, как стужа
туман такой густой, что даже лезет в уши
Господь карает нас им, борзых и непослушных
всем кажется, как будто повторился Вавилон
стал каждый друг от друга белой шторкой затворен
едва-едва видны черты высоток, небоскребов крон
и слышен голос потерянных детей, пронзительный соленый звон
а над домами высоко летают вертолеты
свет фонарей их немного пробивает воду
последняя из переправ между домами, гул лопастей, их поворотов
опустит на крышу небоскреба тех, кто рискнул прорваться сквозь неба своды
из хлама достали приемники, ловя радиоволны
и в темноте квартир, когда все сети приумолкли
пытаемся держать связь с миром, что хочет нас отторгнуть
и держим руки тех, кто не ушел из дома
идут на ошупь, трогая асфальт, бетон и гранит
моля, чтоб случайный и глупый водитель не задавил
моля, чтобы близкие все укрылись, как под щитом гоплит
моля, чтоб спокойствие каждый хранил
туман простоял над землю дней семь
и увидели все, какую он закрутил карусель
из разбитых машин, битых витрин и сбитых людей
и спасают все город в духе римских гусей
утешаем людей разлученных туманом
но я лишь один, не хотя быть обманут
с непонятной молитвой к небу пристану
но в ответ ветра лишь песни затянут
порой жизнь бессмысленна, и в хаосе беспощадна
я всегда готов быть ей растоптан
и готов я быть в тумане неделю упряган
лишь б не быть в цунами утоплен

26. Про мою комнату

никого никогда не зову к себе в гости
ведь в моем склепе лишь байки о злости
на дверях – листовки, чтобы напомнить
«осторожно, злой пес, не кормить и не трогать»
запахи гари и воздуха спертого
нервы сшатают самые твердые
бледные стены и серость снаружи
душу завялят и всю иссушат
соседи делают за стенкой любовь
сверху грызутся мать и свекровь
снизу снова услышал гул батарей
а я их пытаюсь не слышать, среди песен своих становясь все пьяней
кто-то мешает виски с колой
кто-то мешает в сене стог иголок
кто-то мешает жить другим нормально
ну а я мешаю боль с любовью, чтобы жить
и в комнате моей всего навалом
в пакетах черных воспоминания, чипсы, мусор свалок
психические неполадки бумагу разукрасят контурами женских лиц
а зажигалочка искры добавит в танцы с портретами под скрежет половиц
я потушу их очень скоро
как тление дойдет до губных створок
сушить повешу их под нитки бельевые
жаль что жесток только тогда, когда никто не видит
я здесь могу не понарошку больным быть
вокруг себя окопы и траншеи рыть
и если там реальный мир
то здесь, пожалуй, тот, в котором буду жить
достать себе арахис с полки
и фильмы Бергмана смотреть
родился битым и в осколках
и до скончанья дней в колючем кресле просидеть

27. Про расставание

ты не скажешь «прощай»
значит, это сделаю я
и как только осенние завети заскулят
я уйду, прихватив с собой всю печаль
пора прервать агонии надвигающейся крик
столь нелепый, как эти стихи
не осталось дровишек сухих
чтоб взнести костра любви вверх язык
может не было и огня никакого
одинокий всего лишь с огнивом дурак
забросал угольков в свой чердак
и не знает, кроме как рушить, ничего он другого
и любить тебе, может быть, еще рано
я пытался тебе помогать
но не хочешь меня ты принимать
ведь мои ласки, заботы, столь странны
я так долго все это терпел
не хотел тебя видеть счастливой
может, кажется это слишком сопливым
но счастливыми вместе быть я хотел
в моем мире была ты своим отражением
привидением я был в мире твоём
потерялись реальные мы, поросли ковылем
в одиночку теперь вычисляем свое положение
я молюсь, чтоб забыла как можно скорей
ты меня в похмелье друзей и работы
беспокойства о мне ты оставь мне заботу
как привык, я из сердца вырву кусочек, и им покормлю голубей

28. Про истощение

полностью истощен и лежу на траве я без сил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.